

В Лионе борьба представлялась именно в этой форме. Очевидно, что в этом большом мануфактурном городе, где заработок рабочим давало производство предметов роскоши (шелковых материй), нищета должна была стать ужасной, так как это производство неизбежно приостановилось. Работы не было, а цены на хлеб стояли «голодные», т. е. 6 су (около 12 копеек) за фунт.

Две партии выступали тогда друг против друга в Лионе, как и везде: народная партия, представителем которой был Лоссель и в особенности Шалье, и партия «коммерсантистской» буржуазии, которая объединялась вокруг жирондистов в ожидании того времени, когда можно будет открыто перейти к фельянам. Мэром Лиона был Нивьер-Шоль, жирондист, негодяй и выдающийся человек буржуазной партии. Много не присягнувших конституции священников скрывалось тогда в городе, население которого всегда имело склонность к мистицизму; много было также агентов, присланных эмигрантами; так что Лион стал сборным местом для конспираторов из Жалеса (см. гл. XXXI), из Авиньона, Шамбери и Турина.

Против них народ выставял Коммуну, в которой самыми популярными людьми были Шалье, бывший священник, мистический коммунист, и Лоссель, тоже бывший священник. Бедные боготворили Шалье, который неустанно гремел против богатых.

В настоящее время трудно еще разобраться в лионских событиях, происшедших в первые дни марта 1793 г. Известно только, что безработица и нищета были тогда ужасные и что среди рабочих шло сильное брожение. Они требовали таксы на хлеб, а также и на те припасы, которые Шометт называл «припасами второй необходимости» (вино, дрова, масло, мыло, кофе, сахар и т. п.). Они требовали также запрещения биржевой торговли денежными знаками и хотели установить тарифы заработной платы в различных отраслях производства. Шли также разговоры о том, чтобы избить или гильотинировать главных скупщиков, и лионская коммуна, вероятно основываясь на декрете Законодательного собрания от 27 августа 1792 г., приказала сделать общие обыски (подобные тем, которые были сделаны 29 августа в Париже), чтобы захватить заговорщиков-роялистов, скрывавшихся в Лионе.

Роялисты и жирондисты сплотились, однако, вокруг мэра Нивьер-Шоля. Им удалось овладеть муниципалитетом, и они собирались жестоко наказать народ, так что Конвент должен был вступить, чтобы помешать избиению патриотов, и послал для этого в Лион своих комиссаров. Тогда, поддержанные этими комиссарами, революционеры снова овладели секциями. Мэр вынужден был подать в отставку, и на его место 9 марта был избран революционер, друг Шалье.

Борьба этим, впрочем, не закончилась, и мы еще вернемся к ней, чтобы рассказать, как впоследствии жирондисты снова взяли верх и произвели в конце мая избиение народа и патриотов вообще. Пока нам важно только отметить, что в Лионе, как и в Париже, жирондисты служили центром для объединения не только тех, кто противился народной революции, но и всех тех, роялистов и фельянов, кто не хотел республики¹.

Необходимость положить конец политической власти жирондистов чувствовалась, таким образом, все сильнее, когда измена Дюмуре дала Горе новую силу.

XLIV ВОЙНА. ВАНДЕЯ. ИЗМЕНА ДЮМУРЕ

В начале 1793 г. положение на театре войны представлялось в очень мрачном виде. Успехи, одержанные предыдущей осенью, не продолжались. Чтобы снова перейти в наступление, надо было пополнить армии, а волонтеров записывалось все менее и менее. В феврале рассчитывали, что потребуется по крайней мере 300 тыс. человек, чтобы заполнить пробелы в рядах и довести действующие войска до полумиллионного состава. Но на одних волонтеров для такого громадного войска уже нельзя было положиться. Некоторые департаменты, как, например, Вар, Жиронда, продолжали посылать туда чуть не целые маленькие армии, но были другие, которые ничего не давали².

---

¹ 15 апреля лионская буржуазия послала в Конвент делегацию от тех секций, где она властвовала, чтобы объявить правительству, что город «стонет под игом якобинского муниципалитета», который беспрестанно делает нападения на собственность богатых купцов. Она приглашала также парижан сделать у себя усилие и овладеть секциями. В конце апреля жирондист Петийон, мэр Парижа, издал свое «Письмо парижанам», в котором он взывал к буржуазии против народа в таких выражениях: «Ваша собственность в опасности, и вы закрываете глаза на эту опасность... Над вами совершают насилия всякого рода, и вы их терпите». Это было прямое воззвание к буржуазии против народа.

² Народ, конечно, знал, как приняты были волонтеры 1792 г. генералами и генеральными штабами, принадлежавшими почти все к роялистам. Никто не хотел брать их в свои полки, говорит Авенель, изучавший архивы военного министерства